

Текст · 10 сентября 2026, 11:35

Джошуа Яффа,

История одной камеры. Репортаж New Yorker об украинках, которые оказались в новом российском ГУЛАГе

Тысячи украинских солдат и мирных жителей находятся за решеткой в России. Они проходят через пытки, унижения и насилие, против них фабрикуют дела, им выносят невероятно жестокие приговоры. И если у военных есть шанс на обмен, то для гражданских это очень призрачная надежда. Корреспондент *New Yorker* Джошуа Яффа называет репрессивную систему, которая сформировалась за четыре с половиной года войны, «новым ГУЛАГом». Он [рассказал](#) об этой системе через истории нескольких украинок, которых судьба свела в одной камере СИЗО-1 в Ростове-на-Дону. С разрешения журнала «Медиазона» публикует перевод этой статьи.

История СИЗО №1, главного следственного изолятора Ростова-на-Дону, восходит ко временам Екатерины Великой. Тюрьма стоит буквой «Е»: от длинного основного коридора отходит три крыла с камерами. После начала полномасштабного вторжения в феврале 2022 года Россия стала захватывать как военных, так и гражданских украинцев. Российских узников СИЗО-1 переселили, чтобы освободить место для новой категории арестантов: граждан Украины, которые обвиняются в преступлениях против России.

Лилия Прутян была в СИЗО-1 уже год, когда 10 сентября 2024 года, в обед, один из сотрудников

сказал, чтобы она вместе с десятью сокамерницами шла за ним в медчасть. До плена Прутян служила медиком в батальоне «Айдар». Ей за пятьдесят, у нее трое взрослых детей, мягкая манера общения и красивые темно-каштановые волосы. В начале войны она получила травму, после которой сильно ухудшился слух. В день, когда Прутян взяли в плен, на поле боя у села Петровское, ее изнасиловал российский военный. Солдаты подошли к ней втроем. «Ты должна понять, — сказал один из них, — мы три месяца в полях». Она расплакалась и сказала: «Пусть хотя бы это будет только один из вас». Как она вспоминала позже, «в этом они пошли мне навстречу».

В Ростове дислоцируется штаб Южного военного округа, ключевого для российских сил, воюющих в Украине. Прутян предстала перед окружным военным судом. А до этого больше года провела в заключении в оккупированной части Донецкой области, где подверглась череде зверских допросов. Жестокости в ростовской тюрьме было меньше, но обстановка все равно угнетала. Российский правозащитник, который работает с украинскими заключенными, рассказывал мне, что условия содержания становятся лучше по мере приближения суда: «Пускают адвокатов. Заключенные могут получать и писать письма. Когда до суда доходит, уже не скроешь пытки».

В медчасть ростовского СИЗО Прутян шла со своей сослуживицей, тоже медиком «Айдара», с которой они вместе попали в плен. Другие их сокамерницы в основном были поварами в батальоне «Азов». Их задержали весной 2022 года,

когда Россия захватила «Азовсталь», последний оплот ВСУ в Мариуполе. Для российских пропагандистов «Азов» был воплощением «фашизма», от которого Владимир Путин собирался освободить Украину. В России «Айдар» и «Азов» были признаны террористическими организациями. Служивших там женщин, помимо прочего, обвиняли в «вооруженном захвате власти». Одна из поварих, Наталья Гольфинер, в суде прокомментировала это так: «Варить борщ — это не захват власти».

В медчасти — лабиринте комнат на четвертом этаже СИЗО — Прутян и ее спутницам велели раздеться до нижнего белья. Сотрудники осматривали их на предмет синяков и других признаков насилия. Если что-то подобное обнаруживалось, заключенным давали подписать бумагу о том, что у них нет претензий к условиям содержания. Для женщин столь неожиданная забота об их благополучии была хорошим знаком. Почти с самого начала плена на уме у всех было одно слово: обмен. Прутян и все остальные знали, что с начала 2024 года, после многомесячной паузы, между Россией и Украиной возобновились обмены военнопленными. «Мы все тогда были на взводе, — говорила она мне. — Но еще помню такое состояние — какое-то ожидание».

Через полчаса женщин отвели обратно в камеру. Они боялись говорить что-либо нескольким другим заключенным, с которыми они провели последний год в тесной бетонной комнате и которые теперь встречали их со смесью тревоги и ожидания на лицах. Среди них были: 26-летняя Ирина Навальная с татуировками на руках, тоннелями в ушах и бритой головой — ее задержали в Мариуполе по обвинению

в подготовке теракта и хранении взрывчатки; 64-летняя учительница английского Валентина Заярная, задержанная по схожим обвинениям; 43-летняя Наталия Власова, арестованная в 2019 года в Донецке, — она была одержима идеей обмена больше всех. В российском плену женщина провела дольше, чем подавляющее большинство гражданских украинцев. Ее единственной дочери было всего четыре, когда Власову задержали по подозрению в организации покушения. В Ростове у нее всегда была наготове сумка с чистой одеждой. Когда надзиратели спрашивали, зачем, она отвечала: «На обмен».

Женщины из «Айдара» и «Азова» числились служащими украинской армии, и это означало, что шансы попасть под обмен военнопленных у них и действительно были. В отличие от остальных их сокамерниц, которые считались гражданскими преступницами. Через несколько часов после того, как Прутян и остальные вернулись в камеру, снова пришли надзиратели и зачитали список имен: все женщины из «Азова» и «Айдара» вечером выселялись. «И вот тогда мы поняли», — говорит Марина Текин, повариха из «Азова» тридцати с небольшим лет.

Они начали собирать свои скудные пожитки: одежду, зубные щетки, дневники. Оставшуюся еду — чай, печенье, несколько палок копченой колбасы — оставили сокамеринцам. Прутян отдала Заярной флакон шампуня. Повариха из «Азова» Ирина Могитич, которой было чуть за сорок, сказала Навальной, что очень рада их знакомству, несмотря на обстоятельства. Власова, которая за долгие годы российской тюрьмы уже очень много раз видела, как другие выходят на свободу, плакала. «Понятное

дело, что ей было тяжело на сердце и больно», — рассказывает Текин. Она дала Власовой украинский флаг, который нарисовала цветными карандашами на листочке в клетку и сказала: «Если я доберусь до Украины, пусть это будет символом того, что ты тоже скоро вернешься». Власова попыталась улыбнуться.

В три часа утра пришли надзиратели: «С вещами». Мгновение сокамерницы смотрели друг на друга через решетку двери. Они были единой группой, много месяцев они жили в общей реальности, а теперь крошечное расстояние разделяло тех, кого ждала свобода, и тех, кто начинал очередное утро в неволе. 51-летняя повариха из «Азова» Елена Аврамова говорит, что ей было тяжело смотреть другим женщинам в глаза: «Тебя освободили, а их — нет. Они там остались».

* * *

Этой весной я отправился в Украину, чтобы встретиться с женщинами, которых отпустили из Ростова. Я беседовал с Мариной Текин в киевском торговом центре, где она теперь работает в цветочном магазине. С Еленой Аврамовой мы пили чай у нее дома в пригороде Киева. С Лилией Прутян мы долго гуляли по парку в небольшом промышленном городе на востоке Украины, где за несколько месяцев до этого российская ракета ударила по больнице. Она теперь снова служит в «Айдаре», но после плена уже не на передовой. «Обычно я не хочу это вспоминать, — говорит она о времени, проведенном в тюрьме. — Мне это очень больно. А потом у меня сны начинаются такие, что я постоянно попадаю в плен». Но она,

как и остальные обмененные узницы, надеется, что описание их тюремного опыта может помочь тем, кто остался за решеткой. «Ради них — я готова», — сказала мне Прутян.

СИЗО-1 — это всего лишь одна точка в огромной системе российских изоляторов и колоний, нового ГУЛАГа, который простирается от границы с Украиной до вечной мерзлоты за полярным кругом. За четыре с половиной года войны около 15 тысяч украинских солдат попали в плен; почти две трети из них были отпущены в рамках регулярных обменов. Но такие люди, как Навальная, Власова или Заярная, — совсем другой случай: неизвестное число гражданских лиц, которых похищали и задерживали на оккупированных территориях и отправляли за решетку. Где-то их содержат вместе с россиянами, где-то — изолируют, пряча не только от внешнего мира, но и от других заключенных. По данным наблюдателей, минимум 1 300 украинцам были предъявлены обвинения в конкретных преступлениях. Но больше десяти тысяч, по сути, исчезли — их держат в заключении без юридических оснований и признания их статуса. «Гражданских лиц забирают из их домов, — отмечалось в прошлогоднем докладе комиссии Верховной рады Украины. — Без суда, без объяснений, без права сделать телефонный звонок».

С юридической точки зрения, само по себе существование гражданских пленников невозможно. Женевские конвенции — свод договоров, устанавливающих стандарты поведения воюющих сторон, который был принят после Второй мировой, — запрещают произвольное задержание гражданских

лиц. «Априори этой категории не должна существовать», — говорит Богдан Охрименко, глава секретариата Координационного штаба по вопросам обращения с военнопленными. Во время своей поездки в Киев я был в этом штабе. Он располагается в кирпичном доме XIX века, переоборудованном под невзрачные офисы. Приемная обычно набита людьми, которые пытаются получить хоть какую-то информацию о пленных или пропавших без вести родных. Официальная позиция Украины проста. «Гражданские должны быть возвращены, — сказал мне Охрименко. — Без всяких обменов».

Российская же позиция в том, что гражданские украинцы попали в заключение не как пленные во время вооруженного конфликта, а как подозреваемые или даже обвиняемые во вполне конкретных преступлениях. «Для Украины такие люди — это незаконно удерживаемые гражданские лица, — говорит замглавы координационного штаба Андрей Юсов. — Для России, однако, такой категории не существует. Россия не может признать факт существования такой категории как гражданские пленные, ибо это будет равносильно публичному признанию своего военного преступления». Другими словами, пропуская таких людей через судебную систему, российское государство их «легализует». Украинцев судят как на оккупированных и аннексированных территориях — от Донецка до Севастополя, — так и в Москве, Петербурге и Южном окружном военном суде, в Ростове-на-Дону.

Я переписывался с несколькими женщинами из той самой камеры в ростовском СИЗО-1, которые все еще остаются за решеткой в России. Про свой тюремный

опыт Наталия Власова написала: «Он настолько разнообразен за 7 лет, от условий содержания, отношения сотрудников и коллектива сидельцев, что описать в двух словах вряд ли получится». И добавила: «Да и не все моменты было бы уместно здесь описывать». Учительница английского Валентина Заярная написала, что «тюрьма — это школа выживания и испытание для каждого на человечность и порядочность».

Ирина Кулиш провела в ростовском СИЗО почти год. Она из небольшого села в Запорожской области, раньше продавала овощи на местном рынке. После того, как часть области была захвачена Россией, из-за проукраинских взглядов на Ирину донесли оккупационным властям. Российские следователи обвинили ее в подготовке теракта. Кулиш за пятьдесят, у нее болезнь Паркинсона. В тюрьме состояние ее здоровья сильно ухудшилось. Руки дрожат так сильно, что ей бывает трудно заснуть. «Вы не подумайте, что я "сломалась", — написала она мне. — Нет, просто мне в этом письме захотелось поделиться с Вами именно этой болью, что у меня сейчас на душе». С момента задержания ее переводили из одной тюрьмы в другую больше двадцати раз. Мне она писала из СИЗО в Крыму: «Когда и куда конкретно меня переведут, я еще не знаю... Пока что сижу здесь, жду».

Повариха из «Азова» Ирина Могитич. Фото: Mila Teshaieva / The New Yorker

Катерина Коровина — тихая миниатюрная женщина 29 лет, родом из Старобельска Луганской области, который был оккупирован в первые недели войны. Два года спустя она была арестована за то, что отправила несколько пожертвований на украинские счета, общей суммой в 12 долларов. По ее словам, деньги пошли на помощь пострадавшим от войны мирным жителям Украины. Но ФСБ утверждала, что платежи были сделаны военным, и обвинила Коровину в «финансировании терроризма». В Ростов она прибыла в 2024 году, а в начале 2025-го была приговорена к 10 годам. «Так они оценили мою любовь к родной стране», — написала она мне.

По словам Коровиной, в ростовском СИЗО они с сокамерницами были «словно какой-то слегка сумасшедшей семьей». Они дурачились и даже иногда веселились, пели песни и танцевали. Со временем «люди здесь меняются, отдаляются от цивилизации и выстраивают свой комфортный мирок как могут». Там Екатерина начала писать стихи, стараясь запечатлеть в них невероятную ситуацию, в которой она оказалась. «Идеи для стихов буквально витали в воздухе, — говорит она. — Строки лились как музыка». В одном из стихотворений, которым она со мной поделилась, есть строки: «Мы все сироты без своей Родины, но мы есть друг у друга, а значит, не пропадем, ведь даже вырванные с корнем цветы сплетаются в веночки, и мы со всем справимся».

* * *

Российские военные и спецслужбы находят самые разные поводы для задержания мирных жителей

Украины. Владимир Путин подписал документ, по которому кого угодно можно отправить в СИЗО на неопределенный срок без суда за «противодействие СВО». Многих поначалу держат в наскоро обустроенных гаражах, подвалах или складах, а потом переводят в более крупные объекты на оккупированных территориях. Несколько женщин из ростовской камеры познакомились в другой тюрьме, еще в ДНР. Основное здание тюрьмы было построено на излете Российской империи, а в советское время добавились высокие стены из бетона и колючей проволоки. В первые дни войны тюрьма оказалась настолько переполненной украинскими заключенными, что многим из них приходилось спать по очереди. «За весь мой плен это — самое жестокое, ужасное место на земле, где на тебя давят бессилие и отчаяние», — рассказывала мне повариха «Азова» Марина Текин.

После того, как российские войска захватили Мариуполь, Текин добровольно пришла в так называемый фильтрационный центр, в котором выявляли тех, кого Россия считала опасными или просто проукраински настроенными. Мариупольцев призывали «прийти и подчиниться», говорит Текин, «и вас отпустят домой». Но вместо этого вооруженные люди — было непонятно, из армии они или из спецслужб, — угрожали отрезать Текин пальцы, если не признается в том, что она — фашистка. Ее перебрасывали из одного изолятора в другой, пока в итоге она не оказалась в Донецке.

Там охрана первым делом заставила ее и других женщин из «Азова» лечь на пол и ползти в камеру — подвал размером с однокомнатную квартиру, с

тонкой полоской окна под потолком. Помещение было темным и убогим. Шесть нар, несколько грязных и вонючих матрасов. Там уже держали десяток других украинок. Они посоветовали вновь прибывшим сразу же учить слова российского гимна. Скоро должны были вернуться охранники — они потребуют, чтобы все встали и спели. Сокамерницы предупредили: одна-единственная ошибка, и нарушительницу избьют резиновыми дубинками со стальной арматурой. «Без разницы, сейчас ты попал, час назад, или уже месяц сидишь», — говорит Текин.

Каждый день в шесть утра женщин будил топот сапог и лай собак. Охранники шли по коридору, выбирали случайных узников и избивали их. Как-то раз Текин услышала, как один из них жалуется: «Я уже заебался их бить». В другой раз Текин и остальные женщины слышали, как в камере напротив избивали украинского солдата. Они ничего не видели, но слышали стук резины и крики мужчины. Когда охрана ушла, он продолжал стонать, и сокамерники позвали врача. Ответ был: «Постучите, когда умрет». На следующий день Текин через глазок увидела, как из камеры выносят труп.

В подвале не было раковины и даже крана с водой, а туалетом служила дыра в полу. «Невыносимая была вонь, — вспоминает Лилия Прутян, которая оказалась в Донецке чуть позже, чем Текин. — Резало даже глаза». Женщины терпели до обеда, когда им приносили жидкий борщ: капусту и картошку они съедали, а бульон собирали, чтобы смывать за собой. Прокладки делали из разорванных маек, делились кусочками мыла — хотя в баню водили

редко. Спустя неделю ноги и руки заключенных начали покрываться язвами. «Мы [там] гнили заживо», — говорит повариха из «Азова» Ирина Могитич. Она умоляла вызвать в камеру врача. Но пришла медсестра и сказала, что на это можно не рассчитывать: «В концлагере врачей нет».

Главной надзирательницей над украинками была уроженка Донецка по имени Людмила Валерьевна. «Она еще любила нас душить в этих мешках, — рассказывает Могитич. — И постоянно угрожать что нас сейчас [всех] поведут на расстрел. У них там было чуть что — "на расстрел!"». Женщин часто водили на допросы. «И ты сидишь, — вспоминает Текин, — вообще просто не шевелишься. Если ты пошевелишься, там рядом есть дядечка, который тебе готов [влепить] в печень, в почку, в голову, куда прилетит». Как и Людмила Валерьевна, охрана была из Донецка, и Текин однажды спросила их: «Что же вы делаете с нами? Вы же тоже украинцы». Но они ничего не ответили.

Пару месяцев спустя в камеру привели Ирину Навальную, 26-летнюю уроженку Мариуполя. На голове у нее был мешок. Спина и ягодицы — все в синяках. «Она в шоке... сама не своя, ее всю трусит», — вспоминает Прутян. Сокамерницы попытались успокоить Ирину. Она рассказала, что российские власти признали ее террористкой. Остальные стали смеяться. «Мы тоже! — сказала Могитич. — Мы свои, ты не куда-то попала к чужим, ты к своим прилетела».

Весной 2022 года Навальная вместе со своей матерью, Александрой, бежала из Мариуполя в Бердичев, небольшой город в 150 километрах

к западу от Киева. Но ее 70-летней бабушке пришлось остаться. Она жила на седьмом этаже многоквартирного дома советских времен, где с самого начала войны не было электричества. Летом Навальная вернулась в Мариуполь, чтобы помогать ей. В последний день перед отъездом из оккупированного города Ирина, как утверждает российская прокуратура, заложила взрывчатку у здания администрации, где как раз должен был проходить «референдум» о присоединении к России. Несколько часов спустя государственные новостные агентства уже публиковали видео, в котором Навальная признавалась, что взрывное устройство ей передал неизвестный. Позднее девушка рассказывала, что во время допроса ее избивали и пытали током, угрожали матери и бабушке, если она не будет сотрудничать. «В итоге я согласилась оговорить себя, чтобы сохранить свою жизнь и жизнь своих близких», — говорила Ирина в суде.

В Донецке она подружилась с другими женщинами. «Талантливая, разумная, во многом выдающаяся девочка — и при этом добрейшей души», — вспоминает Текин. А Елена Аврамова называет ее «очень яркой, с сильным характером». Иногда бабушка Навальной, которая все еще жила в Мариуполе, приезжала с передачами. В них бывали леденцы. Женщины при помощи камней аккуратно дробили их на кусочки. «Каждый чуть-чуть старался взять, — говорит Прутян. — Чтобы почувствовать вкус конфет, которые мы уже давно забыли».

Однажды утром в камеру зашли сотрудники и велели всем встать лицом к стене — стандартная процедура перед прибытием новых заключенных.

Когда женщины повернулись обратно, они увидели Валентину Заярную, учительницу английского, в очках и тапочках. К новой сокамернице все сразу прониклись большим уважением, называли Валентиной Ивановной. «Она сразу производила впечатление умнейшего человека, который в любой ситуации может сориентироваться», — говорит Прутян. Сама Заярная писала мне: «Девушки повернулись ко мне, и я увидела молодые, бледные, худенькие лица с живыми внимательными глазами».

* * *

Проведя в донецком подвале 14 месяцев, женщины из «Азова» узнали, что их собираются переводить. Им предстоял путь длиной в 250 километров — в Ростов-на-Дону. Автозак подъехал к СИЗО-1 ночью. На сборке женщин затолкали в тесную камеру, «стакан», а потом велели построиться вдоль стены. Их окружила охрана. Началась «приемка», которая в российских тюрьмах зачастую сопровождается унижениями и избиениями.

В камеру зашел заместитель начальника СИЗО — резкий и властный мужчина с тяжелой походкой. «Сначала он хотел кричать на нас, матюкаться, — вспоминает Елена Аврамова. — Но когда он увидел, в каком мы в состоянии, он потерял дар речи. И он нам сказал: "Это же ваши с вами сделали?"». Женщины выглядели ужасно — бледные, все в синяках, — а пахли еще хуже. Замначальника СИЗО приказал отвести их в душ и нормально накормить: им дали суп с рыбными консервами и свежий хлеб. Курящим дали сигарет. «Мы этого всего больше года не видели, —

рассказывала мне Аврамова. — Это был такой шок для нас». Марина Текин говорит: «Для него, наверное, это был какой-то такой героический поступок. Знаете, вот какой-то мужчина для женщины что-то делает, присматривает за ней, и потом он считает, что эта женщина — его». А потом добавляет: «Спасибо, конечно — но так-то, урод уродом».

Новая камера снова была в подвале, но там была вода и туалет, отделенный фанерной загородкой. «После года в погребе любая камера будет облегчением», — говорит один из российских правозащитников. Прутян, Заярная и Навальная тоже вскоре были переведены в Ростов — у них начинались суды. В семь утра дежурный кричал: «Подъем!» Заключенные должны были быстро заправить кровати. В восемь надзиратели приносили подносы с завтраком. Около девяти — зарядка, состоящая из растяжки и легкой гимнастики. После этого убирали со стола, и Заярная учила желающих английскому языку. В письме она рассказывала мне, что для этого ей передали в СИЗО учебник-самоучитель. «Темы изучали бытовые: "О себе", "Семья", "Мой дом, город" и т.д.», — писала она. В душе Заярная остается школьной учительницей: «Я всегда стараюсь никого не выделять. Похвалы заслуживают все — и уже потому, что хотят научиться».

Валентина Заярная из Амвросиевки, небольшого городка неподалеку от Донецка. Через два месяца после начала войны ей позвонил старый знакомый, ровесник ее сына, пограничник, которого она знала только по имени — Дима. Он сказал, что его дом разрушен, а сам он застрял в Мариуполе. «Ну как я могла его там оставить?» — рассказывала она

сокамерницам. Она поехала за 150 километров, через множество блокпостов, чтобы забрать его. Дима был оголодавший и слабый. Заярная выходила его, и со временем мужчина стал помогать ей по дому и в огороде. В итоге он прожил у нее около года.

Александра, мать Ирины Навальной. Фото: Mila Tessaieva / The New Yorker

Как-то раз он попросил Заярную забрать для него посылку в Донецке. Когда она приехала в город, ее уже поджидали оперативники ФСБ. Дима скрылся, но тоже был задержан — десять дней спустя. Только во время допроса Заярная узнала, что на самом деле его зовут Денис Сторожук. Он подполковник погранслужбы и участвовал в обороне «Азовстали». Незадолго до того, как украинские военные сдались в плен, Сторожук смог выбраться с территории завода. А это значило, что Заярная, как ей объяснили оперативники ФСБ, укрывала солдата противника. Они также утверждали, что в посылке, которую Сторожук попросил ее забрать, была взрывчатка. В итоге ей вменили вменили участие в террористической организации.

Сокамерницы Заярной были возмущены тем, что Сторожук скрывал от нее, кто он на самом деле. Но, как сказала мне Ирина Могитич, «она его всегда защищала». Заярную и Сторожука часто вместе привозили в суд, и женщина пыталась собрать для него конфеты или какие-то другие лакомства. Позже, в одном из писем мне, она называла его «Димочка» и

говорила о нем как о своем втором сыне: «Для меня главное, что мои мальчики живы и на свободе».

* * *

Дни в ростовском СИЗО были посвящены игре в нарды, чтению книг и написанию писем. Женщины могли получать передачи с воли, и неформальная сеть, объединяющая волонтеров со всей России, снабжала их всем: от зубной пасты до кроссвордов. Ирина Могитич рассказывала мне, что освоила в тюрьме рецепт морковки по-корейски. Марина Текин занимала себя тем, что придумывала фильмы — а потом пересказывала их вслух. Фильмы были разные: исторический триллер, любовная история про лесбиянок, драма про вирус, который уничтожает большую часть человечества. Раз в день женщин выводили на часовую прогулку во двор, который представлял собой скорее еще одну камеру, но без крыши. Текин и Навальная любили петь рок-баллады и песни из старых фильмов — чем громче, тем лучше. Одни сотрудники велели им прекратить, другие игнорировали пение. Некоторые улыбались.

Между сокамерницами возникла неизбежная близость. Могитич рассказывала мне, что они часами лежали с Навальной на своих шконках и травили байки, сплетничали, смеялись. «Мы на разные темы могли с ней поговорить, — вспоминает она. — По поводу всего. Семьи, планы, мечты, прошлое, будущее, настоящее». Могитич чувствовала, когда Навальную начинали одолевать тяжелые мысли. Она становилась тихой и замкнутой: «Я просто к ней подходила: "Ир, давай [еще] поговорим". Все. И вот

она мне выскажется — все, что у нее внутри там накипело». И Навальная отвечала ей тем же. Когда Могитич становилось совсем невыносимо от разлуки с ее 23-летней дочерью, юная сокамерница пыталась подбодрить ее добрым словом или обнимала. «Она всего лишь молодая девочка, которая попала в эти невозможные условия, — говорит Могитич. — Но она очень смелая при этом, как будто стержень у нее».

Иногда атмосфера в камере становилась напряженной, и ссоры вспыхивали из-за пустяков. Одна хотела держать маленькое окошко камеры открытым, а другая — закрыть. Одна читала книжку, которую другая считала своей. «Ты живешь в этом горе, в этой беде, — говорит Аврамова. — И каждому кажется, что твоя боль самая больная».

На дни рождения женщины делали торты: складывали стопками печенье и поливали его сгущенкой. Они пили чай и по очереди произносили тосты. «Это было трогательно», — говорит Аврамова. На ее пятидесятилетие ей передали открытку, подписанную бывшей сокамерницей — украинкой, которой было под семьдесят. Она провела в их камере меньше недели и отправилась дальше по этапу. Аврамова запомнила только имя женщины — Алла. Она ехала в колонию, где ей предстояло отбывать срок больше десяти лет. На открытке была от руки нарисованная лошадь, а внутри — текст. «Она мне написала пожелание, чтобы свой следующий день рождения отмечала в новом, хорошем месте, которое я люблю всем сердцем», — вспоминает Аврамова. Когда она спросила сотрудника, не знает ли он, куда отправляют Аллу, тот ответил: «Она получила билет в один конец». Больших сомнений

в дальнейшей судьбе женщины не было: «Я поняла, что ее отправили в такую колонию, где навряд ли она выживет».

Наталия Власова прибыла в СИЗО-1 в июне 2023 года. На приемке у нее конфисковали небольшой альбом, в котором было несколько фотографий ее дочери — к тому моменту девочке было восемь. Альбом Власовой так и не вернули. «Девочки меня встретили дружелюбно», — писала она мне. Со многими из них она уже пересекалась в Донецке, но тогда она сидела в другой камере. После перевода в Ростов она «выдохнула»: «Как будто безжалостно затянутый сюжет развязали, и призрачность надежды на выживание стала обретать формы».

В Ростове каждое судебное заседание становилось для Власовой поводом нарядиться — это был способ показать свою гордость и достоинство, как будто «выйти в свет». «Хотелось посещать мероприятия не в одном и том же», — пишет Наталия.

Сокамерницы делились с ней своими скромными запасами косметики и давали одежду, в том числе ту, которую получали в передачах. «Затем следовала обязательная примерка с дефиле, чтобы все модные критики смогли вынести свой вердикт». Как-то раз конвойный спросил, где она берет всю эту одежду, и Власова «без ложной скромности ответила, что в гардеробной».

Суд состоял из череды неувязок и противоречий. Наталию Власову задержали на российском КПП в Донецке в марте 2019 года. По ее словам, вместе с другим фигурантом дела, Виктором Шидловским, они изображали супружескую пару,

используя фальшивые документы. У них было задание от СБУ: проверить, не переметнулся ли на российскую сторону один из агентов. Однако российские следователи утверждали, что Власова и Шидловский готовили покушение на высокопоставленного функционера Донецкой народной республики. Женщина призналась в этом во время допросов, но в суде заявила, что оговорила себя под пытками. Украинские правозащитники и журналисты говорят, что власти ДНР часто фабрикуют подобные дела о покушениях, чтобы задним числом оправдать арест того или иного человека и пытки. «В суде формально соблюдается принцип состязательности сторон, — говорит российский правозащитник. — Но мы прекрасно понимаем, что все это не имеет никакого значения».

Через год после начала слушаний Власовой наконец-то дали возможность выступить перед судом. «У вас будет время, — сказал один судья из тройки, слушавшей ее дело. — Подготовьтесь». Власова сообщила сокамерницам, что собирается изложить всю историю своего заключения. «Она нам так и сказала: хочу чтобы меня заметили, услышали. Я верю, что это поможет приблизить день когда меня заберут», — рассказывает Марина Текин.

Какой бы ни была цель поездки Власовой в Донецк, вскоре женщина оказалась в самой знаменитой тюрьме ДНР — «Изоляции», располагавшейся в здании завода изоляционных материалов, который был построен в 1950-е, а после развала СССР превратился в центр современного искусства. Сепаратисты захватили его в 2014 году и превратили в секретную тюрьму. За год до начала

полномасштабного вторжения Управление ООН по правам человека (УВКПЧ) выпустило [доклад](#), в котором были собраны десятки свидетельств о пытках в «Изоляции». Один из бывших заключенных называл ее «худшим местом на Земле» и рассказывал, как его пытали током, обматывая проводами пальцы на руках и ногах. А однажды засунули провод в анальное отверстие. «Жертва также рассказала об имитации казни, когда его заставили пролежать шесть часов в закрытом гробу, установленном в вырытой могиле», — говорится в докладе. Другой заключенный рассказывал, как провод прикрепили ему к уху — и когда дали ток, он потерял сознание: «Когда он пришел в себя, его сокамерник сказал, что ему следует во всем признаться и подписать любой документ, потому что "иного способа" остаться в живых нет».

«Изоляцию» Власова называла в суде «фабрикой смерти», а сотрудников — «бандитами» с «явной патологией»: «Это садисты в строгом клиническом смысле этого слова». Про пытки она рассказала следующее: «Они раздевали, связывали скотчем, обливали водой и подключали ток. Если недостаточно кричала, они увеличивали разряд тока и удары становились более остервенелыми. Им нужна была реакция... Когда я кричала достаточно громко — слышала удовлетворенные голоса. На пытках еще присутствовал доктор, и когда я теряла сознание, он нашатырным спиртом приводил меня в чувство. После пыток приковывали в "стакане" с поднятыми руками на ночь».

В донецкой тюрьме Власова полностью утратила ощущение времени и пространства. Было темно.

Когда раздавался звук ключей, ее охватывал «жуткий страх»: «Потому как ничего хорошего это не сулило». Однажды ее отвели в баню и сказали, что сейчас ее будут насиловать 15 пьяных солдат. Но потом передумали, потому что у женщины были месячные. «На пытках, когда их частота зашкаливает, в какой-то момент наступает период безразличия и становится все равно, что происходит и будет дальше, — говорила Власова в суде. — В любом случае моя судьба мне неподвластна, мое тело мне не принадлежит».

Власова опознала человека по имени Василий Евдокимов с позывным Ленин как руководителя «Изоляции». (И именно на него, как утверждало обвинение, она готовила покушение.) В суде она вспоминала о встречах с ним: «Евдокимов лично пилил мне зубы напильником, выкручивал соски и пытался засунуть бутылку во влагалище». В какой-то момент, когда пытки стали совершенно невыносимыми, она умоляла, чтобы ее «застрелили при попытке к бегству». Но «Евдокимов отвечал, что я должна страдать».

Суд проходил в открытом режиме, и на него ходили несколько журналистов и правозащитников. Один из них вспоминает, как удивлялся: судьи ни разу не прервали Власову, ни разу не сказали, что ее слова не имеют отношения к рассматриваемому делу. Они просто молча слушали ее. Когда женщина закончила выступление, один из судей спросил, хочет ли она, чтобы все было зафиксировано в протоколе заседания. «Мы были в шоке, — говорит человек, который присутствовал на том заседании, — казалось, это сигнал. Жест, который он мог себе позволить».

Александра, мать Ирины Навальной. Фото: Mila Teshaieva / The New Yorker

Марина Текин рассказывала мне, что в тот день сокамерницы встретили Власову аплодисментами: «Мы гордились ею». Я написал Власовой, что такое выступление требовало огромной храбрости. «Мне, безусловно, приятно, что произвожу впечатление сильной и мужественной женщины, но мне так не кажется, — ответила она. — Просто немного возможностей проявить свою слабость, а хотелось бы)». Пять месяцев спустя коллегия судей признала Власову виновной и приговорила к 18 годам колонии.

* * *

Практически каждый месяц колонны автобусов, микроавтобусов и машин скорой помощи едут из России через Беларусь, доставляя очередную группу освобожденных пленных к границам Украины. В зависимости от условий обмена освобождаются от дюжины до более чем сотни украинских пленных. Они пересаживаются в другие автобусы, и следующей остановкой на их пути часто становится областная больница в Чернигове, где их обследуют и оказывают медицинскую помощь. Снаружи обычно собирается толпа родственников: одни жаждут увидеть своих близких, а другие, что бывает не реже, показывают вернувшимся фотографию мужа или сына и спрашивают, не встречали ли они его в плену.

На сегодняшний день обменов было около восьмидесяти, освобождены больше девяти тысяч украинских военных. «Есть механизм, переговорный процесс, где обсуждаются военнослужащие, которые принимали непосредственное участие в боевых действиях», — рассказал мне Богдан Охрименко из штаба по вопросам обращения с военнопленными. Число гражданских украинцев, которые были освобождены с 2022 года, гораздо меньше — их примерно 430. Как минимум четверть из них были не заложниками, попавшими в Россию из-за войны, а гражданами Украины, которые совершили в России уголовные преступления и были депортированы. В некоторых случаях украинская сторона даже не знала, кого собираются передать в рамках обмена. «Легко ли нам вести переговоры с российской стороной? Тяжело, — говорит Охрименко. — Нам нужно с ними продолжать коммуникацию. Если сейчас сказать что-то плохое, возможно, это повлияет [на ход переговоров]».

Согласно международному праву и политике, которой придерживается Украина, обменивать военнопленных на гражданских лиц запрещено. По словам Охрименко, если бы такие обмены проводились, «Украина была бы нарушителем». Когда он пытается обсуждать вопрос гражданских пленников с россиянами, это заканчивается ничем. «Министерство обороны Российской Федерации говорит, что оно отвечает исключительно за военнослужащих, за военнопленных. Не за гражданских, — говорит Охрименко. — Мы пришли к выводу, что гражданскими на территории Российской Федерации заниматься просто некому».

По словам сооснователя «Мемориала» Олега Орлова, в мирных жителях, которые сопротивляются российским властям и не принимают их, Россия видит врагов, которые «сознательно вредят» ей и идут на преступления. Позицию государства по отношению к гражданским он описывает так: «Его никто не послал, он не в погонах, он не был обязан. Так вот хрен с вами, пускай сидят и мучаются».

Многие украинцы на оккупированных территориях получают российские паспорта. Без этого жить там — пользоваться банковскими услугами, оплачивать жилье — практически невозможно. По словам Виктории Петрук, аналитика Координационного штаба по вопросам обращения с военнопленными, Россия считает человека с такими документами «собственным гражданином, которого они репатриировать, передавать любым образом не должны. Ни в какие третьи страны». По тем же причинам со временем растет число дел, в которых украинцев обвиняют в госизмене.

В ходе переговоров украинская сторона предлагает не конкретные кандидатуры на обмен, а скорее целые категории заключенных. «Регулярно мы возвращаемся в переговорном процессе к этому списку и говорим: "Смотрите, у вас в плену остаются наши женщины, давайте решим вопрос"», — рассказывает Охрименко. В случае с медиками из «Айдара» и поварами из «Азова» российские переговорщики были согласны обсуждать обмен — учитывая, что никто из этих женщин не принимал непосредственного участия в боевых действиях, допросы и следствие закончились. Но когда украинцы заводят речь про других заключенных, россияне

реагируют холодно. Охрименко описывает их позицию так: «Мы не готовы разговаривать сегодня об остальных. Вы спросили, мы сказали. Если вы не хотите [обмена на таких условиях], мы и этих отдавать не будем».

В координационном штабе регулярно проходят встречи с родными гражданских пленных. Мать Ирины Навальной, Александра, часто на них бывала. «Но сейчас я уже не вижу в этом смысла, — рассказала она мне. — Общие фразы». На встречах рефреном звучат планы «разработки механизма обмена, которого пока не существует». Замглавы координационного штаба Андрей Юсов говорит, что понимает боль родных. «Это очень эмоциональная и уязвимая группа людей», — говорит он. Но подчеркивает, что патовая ситуация сложилась не по вине украинской стороны: «Это ведь не вопрос к Украине, которая не хочет кого-то отпускать или возвращать. Вопрос к Российской Федерации как оккупанту, который похитил людей и отказывается их отдавать — или отрицает сам факт их удержания».

Украина старается искать небанальные методы освобождения своих мирных граждан из российских тюрем. Проект «Хочу к своим» позволяет украинцам, которые осуждены как коллаборационисты, добровольно уезжать в Россию. Идея в том, чтобы Россия, в свою очередь, отправила в Украину равное число гражданских. И это будет считаться не традиционным обменом, а, по словам Юсова, «взаимным возвращением гражданских». По данным украинских властей, несколько сотен человек, которые отбывают наказание за сотрудничество с россиянами или сходные преступления, выразили

желание уехать в Россию. Но пока это сделали лишь 70 человек. Взамен российские власти освободили соответствующее число украинцев, но принимать остальных отказались. «Мы можем приехать на границу, отпустить их и сказать: идите, — говорит Охрименко. — Но что будет с ними, если российская сторона не хочет, чтобы они заходили в их страну?»

Олег Орлов из «Мемориала» сам провел почти полгода в российской тюрьме по обвинению в «дискредитации» армии, но летом 2024 года вышел на свободу в результате обмена. «У меня ощущение, что мне дали какой-то кредит, возможность что-то сделать», — говорит он. В прошлом году Орлов помогал запускать кампанию *[People First](#)* («Люди превыше всего») — ее участники лоббируют на Западе включение темы гражданских пленных в мирные переговоры. Идея в том, что третьи страны смогут убедить Россию и Украину на пути к завершению войны устроить «обмен всех на всех», военных и гражданских. «Если о них не говорить сейчас, то потом, когда будет процесс обмена военных, про гражданских могут просто забыть, — считает Орлов. — Они могут так и провалиться куда-то».

* * *

В Киеве я встретился с мужем Власовой, Алексеем, и их дочкой Юлей. Девочке к тому моменту было одиннадцать, а ее мать оставалась за решеткой уже семь лет. Мы провели вместе часа два, и почти все это время Юля молчала. (Друг семьи перед встречей предупреждал меня: «Она ушла в себя, и неясно, как ее вытянуть обратно».) Алексей,

мягкий и дружелюбный мужчина 49 лет, сказал Юле, которая только что вернулась из школы: «Он здесь, чтобы написать про маму». Девочка сидела и тихо ковырялась в тарелке с картошкой фри. Мне удалось задать ей всего один вопрос:

— Что бы ты хотела поделать с мамой, когда она вернется домой?

— Гулять, — Юля сказала это так тихо, что мне пришлось наклониться, чтобы расслышать. — Обниматься.

Алексей и другие родственники всеми силами пытались оградить Юлю от новостей о пытках ее мамы. Но спустя всего несколько дней после того, как Власова дала показания в суде, дочка прочитала об этом. У нее был только один вопрос: «Что такое соски?» В прошлом году Юля принимала участие в акции на Майдане Незалежности, посвященной украинским женщинам в российском плену. Она принесла плакат, на котором запечатлела одно из последних воспоминаний о Власовой: «Мама, я тебя жду. Помнишь, ты обещала мне котика?»

Алексей не понимает, почему его жену давным-давно не обменяли. «Учитывая, что на данный момент она отсидела уже дольше всех, мы полагали, что вероятность ее освобождения тоже должна быть высокой», — говорит он. Вместе с другими участниками группы поддержки Власовой они рассылают письма о ней всем, кому могут: Владимиру Зеленскому, Дональду Трампу, папе римскому. Координационный штаб регулярно просит Алексея уточнить актуальную информацию о жене.

«И каждый год, — говорит он, — приходит подтверждение, что она подлежит обмену. И все». А еще у него и сестры Власовой есть пароль от системы с информацией о ее местонахождении, которая есть у украинских властей. Этой весной Власову перевели в колонию в Кемерово.

Суд над Ириной Навальной, которую обвинили в закладке взрывного устройства в Мариуполе, завершился на два месяца раньше, чем у Власовой. Ее адвокат Иван Бондаренко рассказал мне о противоречиях в версии обвинения. Так, один из свидетелей изначально утверждал, что видел, как Навальная бросила сумку рядом со зданием мариупольской администрации. Но в суде он заявил, что сам ничего не видел, а только слышал про это. В октябре 2024 года суд признал Ирину виновной, но по менее тяжелой части статьи о «покушении на совершение теракта» — она получила 8 лет (вместо 15 лет, которые запрашивала прокуратура). Бондаренко называет это «маленькой победой». По его словам, судья «дал понять, что нас услышал. Но в данной ситуации большего он сделать не мог». Сейчас Навальная уже переведена в колонию в Курганской области, рядом с казахстанской границей.

Юлия, дочь Наталии Власовой. Фото: Mila Tessaieva / The New Yorker

Суд над Валентиной Заярной закончился в декабре 2025 года. По версии прокуратуры, вместе с Денисом Сторожуком, которого женщина знала как Диму, она готовила покушение на убийство. Заярная дала признательные показания, но в суде заявила, что сделала это под давлением. Оперативники ФСБ избили ее сына и угрожали отправить его в психиатрическую больницу, если она не подпишет признание. Заярная подписала — а после этого попыталась покончить с собой, приняв 10 таблеток клофелина. Но она выжила, и ее перевели в Ростов. В прениях прокурор запросил 20 лет колонии. «Это безбожно! Это подло и безбожно, — воскликнула Заярная, выслушав речь гособвинителя. — Это будет на вашей совести». Судья назначил ей 12 лет колонии. «Не буду лгать — здесь мне очень тяжело, — писала она мне из заключения. — Но сдаваться и играть по правилам этих морально нечистоплотных людей я не буду».

По мрачной иронии судьбы, Денис Сторожук попал в тот же обмен, что и ростовские сокамерницы Заярной — медики из «Айдара» и поварихи из «Азова». Лилия Прутян видела его в автобусе, который вез военнопленных через Беларусь в Украину. «Мы идем на обмен, — рассказывала она мне, — и сзади меня сидит Дима, о котором Валентина Ивановна постоянно рассказывает».

Я встретился со Сторожуком весной этого года в Киеве. Это обаятельный и дружелюбный мужчина 38 лет с военной выправкой. Он рассказал мне, что в мае 2022 года, когда российские войска осаждали «Азовсталь», он собрал припасы — оружие, еду, воду, телефон — и спустился в техническую шахту глубоко

под заводским комплексом, где скрывался следующие три недели. Потом он сделал небольшой плот из камеры автомобильной шины и надел борцовское трико, которое обмазал герметиком. Его план состоял в том, чтобы под покровом ночи выйти в Азовское море и доплыть до села, расположенного за линией фронта. «Ничего лучше в голову не пришло», — говорит Сторожук. Он отплыл на несколько сотен метров от берега, услышал выстрелы и в итоге вышел на берег около рыболовецкой верфи на окраине Мариуполя. Сторожук позвонил Заярной. По его словам, «было у нее определенное одиночество... явно не хватало объекта материнской заботы».

Проведя у Заярной около месяца, он связался с офицером военной разведки, которого он знал под именем Северный. Женщине Сторожук ничего про это рассказывать не стал. «Я считал, что человек становится под угрозой, только если он осознанно мне помогает, — говорит он. — Можем называть это обманом с моей стороны, но ей совершенно ничего не было известно. Я рассудил что, чем меньше она знает, тем для нее безопаснее».

Как-то в марте 2023 года Северный отправил Сторожуку посылку с паспортом ДНР, который тот мог бы свободно использовать на подконтрольных России территориях. Но забирать посылку нужно было в Донецке: дорога занимала около часа, через несколько блокпостов. Поэтому Сторожук попросил поехать Заярную. «Я склеил дурака, — объяснил он мне. — Сказал, что я сначала хотел съездить с ней, но потом у меня переигралось, я уже не могу ехать: "Вы, пожалуйста, сами съездите"». Заярная согласилась. В следующий раз они увиделись уже в донецком

управлении ФСБ. Сторожук вспоминал, что Заярная, явно очень сильно напуганная, спросила, как он. «Все это, понятное дело, из-за меня, потому что когда-то мы в этой судьбе пересеклись».

Недавно я получил очередное письмо от Заярной, которую сейчас перевели в СИЗО Новочеркасска. Она описывала, как наблюдает в тюрьме за сменой времен года: «Сейчас уже наступила весна, очень тепло, и из окна камеры уже видны зеленые деревья и трава. От этого еще тяжелее».

Автор: Джошуа Яффа.

Оригинал: *[Inside Russia's New Gulag](#). The New Yorker, August 10, 2026.*

Перевод: Мика Голубовский.

Редактор: Дмитрий Ткачев.

Translated with permission from The New Yorker.